

М. Д. Ашуров

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ: ИСТОРИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

АШУРОВ Мехрубон Додохонович,

студент магистерской программы

«Экспертно-аналитическое востоковедение. Арабский мир в мировой политике»,
совместно реализуемой Институтом Востоковедения РАН и Государственным
академическим университетом гуманитарных наук
(119049, Россия, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26).

E-mail: mehrubon.ashurov.0304@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена религии и религиозным институтам в Королевстве Саудовская Аравия. КСА, будучи согласно законодательству мусульманским государством, обращается к религии с целью легитимизации своей политики. Поэтому в связи с увеличивающейся ролью Саудовской Аравии в регионе и мире исследование религии и ее места в государстве считается весьма актуальным и важным. В первой, вводной, части статьи рассмотрена роль ислама в истории становления саудовской государственности, обозначены основные положения доктрины ваххабизма. В основной части работы исследованы история, эволюция и особенности, роль и положения различных религиозных институтов в стране. В заключение сделан вывод о том, что власти королевства предпринимают все большую секьюритизацию государственной политики в отношении религиозных институтов, религия «огосударвляется». Проведенный анализ роли изменения религии в королевстве опирается на подходе разделения реформ на *таджид* и *ислах*.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, ислам, ваххабизм, религиозные институты, реформы.

Для цитирования: Ашуров М. Д. Религиозные институты в Саудовской Аравии: история, эволюция и особенности развития // Ислам в современном мире. 2024. Т. 20. № 1: 135–150;

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-1-135-150

Статья поступила в редакцию: 09.01.2024

Статья принята к публикации: 13.03.2024

Введение

Согласно Основному закону правления¹, «Саудовская Аравия — суверенное арабское исламское государство», где религией является ислам, а конституцией Коран и Сунна Пророка². Ислам в королевстве — государственная религия и основной закон, определяющий основы государственного и общественно-экономического строя³.

Религия имела определяющее значение в становлении государственности Саудовской Аравии. Именно под лозунгами «чистого ислама» были завоеваны и объединены в 1932 г. территории большей части Аравийского полуострова в Королевство Саудовская Аравия. А полторы сотни лет назад под аналогичными лозунгами первое саудовское государство (1744–1818 гг.) стало угрожать османской власти⁴ не только территориально, но и в религиозно-идеологическом плане.

Формирование саудовской государственности было основано на религиозно-племенной лояльности *ихванов*⁵ и союзе двух семейств Аль Сауд и Аль аш-Шейх, заключивших недждийский договор в 1744–45 гг. Фундаментальными принципами саудовской государственности выступали родоплеменные отношения и приверженность *ваххабизму*, учению, которое разработал Мухаммад ибн Абдель Ваххаб, глава семейства аш-Шейх. Стоит обратить внимание на то, что название религиозного учения «*ваххабизм*» не используется самими его приверженцами: они называют себя салафитами, то есть приверженцами

¹ Ан-Низам ал-асасий ли ал-хукм (Основной закон правления). URL: http://hrlibrary.umn.edu/arabic/Saudi_Con.html (дата обращения: 10.01.2024)

² Косач Г. Г. Саудовская Аравия: власть, улемы и антисистемная оппозиция (Богословско-политический ответ противникам режима) // Россия и мусульманский мир. 2013. № 1(247). С. 127–158.

³ Сапронова М. А. Политические системы арабских стран: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 14.

⁴ Глава Османской империи — султан носил титул халифа мусульман.

⁵ Религиозно-военное ополчение, главная военная опора Абдель Азиза.

образа жизни, а главное — понимания ислама времен Пророка и праведных халифов.

Доктрина ваххабизма опирается на ханбалитскую правовую школу и характеризуется строгостью и консерватизмом буквалистского понимания источников шариата (Корана и Сунны) — буквалистского понимания. Но в то же время ваххабизм — это бессознательно реформаторская доктрина, главной целью которой была борьба с негативными «нововведениями» (*бида*), чьим инициатором, по мнению представителей этого учения, были османские власти. Восстание Саудитов против Османов можно, по сути, рассматривать как дихотомию реформаторов и традиционалистов¹.

Искажение религии нововведениями рассматривается ваххабитами как главная причина общественного зла и страдания. Поэтому в основе ваххабизма, как и других реформаторских учений, особое место занимает «возрождение», обновление через возврат к пути праведных предков (*салафов*).

Нарративы о необходимости преодоления расколов и праведной общественной жизни, достигаемых через возрождение являются органической частью исламской мысли, будь то суннизм или шиизм. Объяснений этому несколько. Во-первых, ностальгия по «великому прошлому» и его романтизация (в случае ислама — это времена Пророка и праведных халифов) присущи не только мусульманам²: любой социум, осознав распад «великой империи» и столкнувшись с социально-экономическими проблемами, склонен ностальгировать по «лучшим временам». Во-вторых, можно предположить, что ислам спирален. Столкнувшись с очередными кровавыми конфликтами, болезненными последствиями технологической отсталости от Запада в течение последних двух веков и другими неудачами, исламские общества пытались преодолеть кризисы, и осмыслить реформирование именно как возрождение, а оно в свою очередь предполагает возврат к нормам времен Пророка и праведных халифов. Реформы, обозначаемые в арабском языке словами *таджид* и *ислах* имеют разные определения. Общество, выбравшее тот или иной вариант реформ, будет двигаться по-разному. Согласно определению В. В. Наумкина и В. А. Кузнецова, *ислах* — реформа, предполагающая «качественное улучшение, преодоление

¹ Реформаторами в этом случае выступают ваххабиты, а традиционалистами Османы, не заинтересованные в смене устоявшихся норм и традиций. Естественно, эти реформаторы не ставили себе эксплицитной цели «реформировать» в европейском смысле, т. е. совершенствовать жизненный уклад, вводя какие-то новации. Речь шла о проверке жизни, в т. ч. обыденной, Кораном и Сунной; о чаемом восстановлении старого, единственно верного и праведного образа жизни ранних мусульман. Естественно, де-факто этот проект оказывался политическим реконструкторством в заведомо несхожих условиях. — *Примеч. ред.*

² Однако в исламе этот вопрос приобрел особую актуальность после упразднения последнего халифата в 1924 г.

расколов, дисгармонии и разобщённости, а *таджид* — обновление как возврат к норме»¹. Исходя из этих определений реформаторскую деятельность ваххабитов во второй половине XIX и начале XX в. следует отнести к *таджиду*.

Описанный подход кажется важным, он необходим для точного определения того, что мы называем реформой, которая, как было отмечено, имеет разные варианты развития. Возвращаясь к «неждидскому призыву», отметим, что согласно ему Ибн Сауд защищал и пропагандировал доктрины ваххабитской идеологии, а взамен Мухаммад ибн Абд ал-Ваххаб поддерживал правителя, обеспечивая ему «славу и могущество»², придавая власти Ибн Сауда легитимность на основе шариата.

Это разделение сохранилось и при создании Королевства Абдель Азизом (1932–1953 гг.): сыновья основателя третьего саудовского государства занимали высшие должности в «светских» министерствах и ведомствах, а потомки ибн Абд ал-Ваххаба (семья аш-Шейх) — высшие религиозные посты в стране, оказывая серьезное влияние на принятие ключевых решений по тем или иным вопросам.

Улемы по сей день играют важную роль в судебной системе и образовании, в религиозной сфере и общественной морали. Положение Аль аш-Шейх в качестве лидеров саудовских улемов имело особую значимость, т. к. религия занимает особое место в саудовском обществе, и, как следствие, влияние улемов является всеохватывающим. Таким образом, династия Аль Сауд и религиозная элита ваххабитов создавались строго параллельно и опираясь друг на друга³.

Религиозные институты

Как уже было отмечено, религия имеет огромное значение в истории становления страны, на нее руководство Королевства ссылается и опирается практически во всех сферах. Религиозные институты в связи со столь значимым положением религии в стране имели определенную автономность от властей (имеется в виду светских), которые опирались на первых с целью легитимизации своих решений. Это в свою

¹ Подробнее о *таджид* и *ислах* см.: Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения: доклад на X Ближневосточной конференции Международного дискуссионного клуба «Валдай». Март 2021 г. М., 2021; Камали Х. М. Таджид, ислах и цивилизационное обновление в исламе / Международный институт исламской мысли. Острог, 2020. 59 с.

² Lacey R. Inside the Kingdom: Kings, Clerics, Modernists, Terrorists and the Struggle for Saudi Arabia. New York, 2009. P. 425.

³ Мулин Н. Улама ал-ислам. Тарих ва бунйа ал-муассаса ад-динийа фи ас-Саудийа байн ал-карнейн XVIII ва XXI (Клирики ислама. История и структура религиозного истеблишмента Саудовской Аравии. XVIII–XXI вв.). Бейрут: Ал-Муассаса ал-арабийа ли ал-абхас ва ан-нашр, 2011.

очередь могло привести к не самым очевидным и прагматичным с точки зрения властей последствиям, поэтому постепенно у религиозных институтов отсекались полномочия, а соответственно и влияние; процесс уменьшения влияния и могущества религиозных институтов происходил постепенно. Будучи приверженцами одной идеологии и религиозной доктрины, религиозные институты и власти отличались тем, что «король подходил ко многим вопросам шире, глубже, отвергая крайности и экстремизм, который был присущ определенной части клерикалов»¹.

По мнению Б. Г. Сейраняна, саудовские богословы уверены в исторической и религиозной исключительности Королевства, т. к. на территории страны находятся главные мусульманские святыни (король считается хранителем или служителем этих святынь (*хадим ал-харамейн аш-шарифейн*)) и восстановлен «чистый истинный ислам». Соответственно, свои долг и задачу богословы видят в распространении, толковании и призыве к «истинному исламу» в их понимании (ваххабитской доктрины), в их понимании)². Поэтому сразу после объединения страны королевская династия распространила ханбалитскую правовую школу на всю территорию страны, оттеснив не только последователей суфийских тарикатов, исмаилитов и шиитов-двунадесятников, но и представителей шафиитской и ханафитской школ, главенствующих в Хиджазе и Хаиле³.

Таким образом, неудивительно, что богословы (*улама* или *улемы* по-арабски) играют важную, если не определяющую, роль во многих сферах саудовской общественной жизни. Различные области общественной жизни распределены между несколькими религиозными институтами, о которых пойдет речь дальше.

Совет высших улемов — самый главный религиозный институт страны, руководит которым верховный муфтий. Совет рассматривает широкий круг вопросов и издает фетвы по ним. Заключение Совета, не обладая силой закона, имеют большой религиозно-моральный авторитет и учитываются исполнительными органами, в первую очередь королем⁴. Муфтий и все члены Совета в составе 21 богослова напрямую назначаются королем и в соответствии с табелью о рангах относятся к высшему, министерскому, разряду⁵. Большинство членов Совета — выходцы из клерикальных кругов Неджда, должность верховного

¹ Сейранян Б. Г. Ислам и духовенство в Саудовской Аравии. *Arabia vitalis: Арабский Восток, ислам, древняя Аравия*. М., 2005, С. 258–273.

² Там же.

³ Косач Г. Г. Саудовская Аравия: власть и религия // Политическая наука. 2013. № 2. С. 100–125.

⁴ Bligh, Alexander. 1985. The Saudi Religious Elite (Ulama) as Participant in the Political System of the Kingdom // *International Journal of Middle East Studies*. 1985. Vol. 17. No. 1. Pp. 37–50.

⁵ Косач Г. Г. Саудовская Аравия: власть и религия. С. 100–125.

муфтия практически закреплена за семьей Аль аш-Шейх, хотя вторым муфтием был религиозный технократ, разночинец.

Главной задачей Совета является предоставление королю богословских рекомендаций в отношении тех или иных вопросов. Одной из важнейших политических функций Совета является издание фетвы, подтверждающей восхождение наследного принца на престол.

Процесс принятия фетв проходит в два больших этапа. Сначала они принимаются членами Совета во главе с муфтием, а затем переходят на рассмотрение в Кабинет министров. Фетва не может быть претворена в жизнь без одобрения Кабинета министров во главе с королем. Были интересные случаи, когда власти не соглашались с фетвой Совета, например, когда, последний отрицательно отнесся к решению о перестройке территории Главной мечети Мекки, из-за чего король обратился к зарубежным улемам и получил одобрение¹.

Отмечается, что вплоть до 90-х годов прошлого века институт пользовался автономией, а в некоторых моментах чуть ли не независимостью от монаршей власти². До этого времени улемы издавали фетвы, идущие несколько вразрез с волей властей, которые стремились модернизировать страну. По словам М. ар-Рашида, постепенно обязанности богословов стали ограничиваться исключительно вопросами исламского культа³.

После образования королевства некоторыми членами Совета и улемами, не входившими в него, издавались фетвы, запрещающие, например, смотреть телевизор, пользоваться фотоаппаратом, путешествовать, и т. д. В конце 90-х годов они также заявили, что «романы, стихи и Интернет являются греховными, потому что они разжигают распутство»⁴. Несмотря на все эти фетвы, которые имеют не прямое отношение к политике, улемы оставались сторонниками общего курса правителя. Возможно, потому что король допустил их не только к доходам от *вакфа*⁵ и *садаки* (милостыня), но и к нефтедолларам.

Роль улемов в общем и Совета в частности трудно недооценить. Совет выступает в роли института, утверждающего религиозную легитимность тех или иных политических актов. В качестве наглядного примера можно упомянуть внутриэлитный конфликт, произошедший в 1960-х гг. Это узловой момент в истории Саудовской Аравии: конфликт произошел между королем Саудом и принцем Фейсалом, в результате

¹ Косач Г. Г. Саудовская Аравия: власть и религия. С. 100–125.

² Мамадиев Б. Б. Особенности центров по изданию фетв в Саудовской Аравии // Россия и мусульманский мир. 2020. № 1(315). С. 55–68.

³ Al-Rasheed M. History of Saudi Arabia. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Pp. 64–66.

⁴ [Электронный ресурс] // URL: <https://raseef22.com/article/1071086-no-longer-forbidden-saudi-arabias-reversed-fatwas> (дата обращения: 10.01.2024)

⁵ Вакф, или вакуф, — в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

которого последнего поддержал Совет высших улемов, издав фетву о недееспособности короля и тем самым отстранив того от власти.

Апогеем недовольства улемов стало событие, произошедшее в 1990-х гг., когда власти королевства обратились к США с целью размещения на ее территории американских войск после вторжения С. Хусейна в Кувейт. Консервативные улемы¹ проявили политическую активность и подвергли критике правящую семью за это решение, которое, по их мнению, противоречит исламу. Они считали недопустимым размещение иностранных войск (тем более другой веры) на «святой территории». Столкнувшись с этим, король Фахд (1982–2005) обратился к верховному муфтию, который издал фетву, религиозно легитимизирующую размещение иностранных войск на территории Королевства.

Богословы, оказывающие безоговорочную поддержку и защиту власти короля, приняли на себя функцию «безусловного подчинения»². Совет прошел свой путь от относительно независимого и автономного до полностью подконтрольного власти института. В состав Совета входят умеренные и лояльные короне богословы. Эта тенденция набрала обороты в последнее время, особенно после де-факто прихода к власти Мухаммада ибн Салмана, проводящего масштабные реформы, одной из целей которых является изменение имиджа страны в мире.

Лига поощрения добродетели и осуждения греха — один из первых религиозных институтов (религиозная полиция, полиция нравов), учрежденных приказом короля в 1926 г. и возглавлявшихся семейством Аль аш-Шейх. Целью организации было содействие и контроль над претворением в жизнь законов шариата³, но самое главное — пресечение деятельности инакомыслящих, замышляющих что-либо против курса короля⁴.

Как считает А. М. Васильев, Лига создавалась для того, чтобы отнять надзор над религиозной дисциплиной у ихванов после того, как те начали проявлять недовольство политикой короля и затем подняли восстание⁵. Восстание ихванов носило идеологическую угрозу власти короля, которого те обвинили в отходе от ислама. И тогда королевская

¹ Не все богословы входят в Совет высших улемов.

² Косач Г. Г. Саудовская Аравия: власть и религия. С. 100–125.

³ Соблюдение правоверными мусульманами пятикратной молитвы, добросовестности исполнения имамами и муэдзинами мечетей возложенных на них обязанностей, запрет потребления и производства алкоголя и табака, недопустимости нахождения в одном месте мужчин и женщин и пр.

⁴ Косач Г. Г. Саудовская лига общественной морали и государство. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1. С. 302–312.

⁵ Васильев А. М. История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982. С. 308–320.

власть получила поддержку со стороны Лиги, теперь уже сами ихваны были отнесены к «заблудшим».

Однако были вопросы, в которых Лига и власть не приходили к взаимопониманию. Так, процессы модернизации в Саудовском государстве встречали резкую критику со стороны Лиги. Особенно остро для них стоял вопрос о вовлечении женщин в новую систему светского образования после того, как в 1957 г. было учреждено первое высшее учебное заведение страны — Эр-Риядский университет (ныне — Университет имени короля Сауда)¹. Король Сауд (1953–1964), встретивший сопротивление, несколько сократил полномочия Лиги, таким образом, королевская власть начала диктовать Лиге пределы ее власти и подчеркивала ее зависимость.

Дальнейшая модернизация страны, вызванная высокими доходами от продажи нефти при короле Фейсале, также вызывала опасения богословов, которые считали появление кинотеатров, радио, телевидения, повсеместное вывешивание фотографий короля и внедрение гимна грехом. Власти не хотели конфликтов с богословами и поэтому шли на компромиссы. Так, например, система женского образования была отдана под контроль Лиге.

Радикальная часть Лиги, вышедшая из нее, не признавала компромиссных решений, и в итоге это вылилось в террористическую деятельность, апогеем которой стали теракты в Мекке в 1979 г. Власти ответили на брошенный им вызов — взяли ее под контроль. Теперь Лига должна была проводить расследования совершенных «грехов» только при участии представителей Министерства внутренних дел.

Одолов серьезную угрозу, саудовские власти все больше стали прислушиваться к улемам, их влияние росло. Их взаимоотношения можно назвать компромиссными: власти и улемы уважали интересы друг друга.

К моменту прихода к власти короля Абдаллы ибн Абдель Азиза в 2005 г. Лига уже начинала представлять собой полностью инкорпорированный и контролируемый институт. Все руководство Лиги назначалось политическим истеблишментом, монополия семьи Аль аш-Шейх снижалась — главой института становились религиозные технократы извне этого семейства.

В 2011 г. король Абдалла принял Закон о процессе наказания, обязательный для применения Лигой, согласно которому между издаваемыми правителем законами (*анзима*) и источниками «исламского шариата — Книгой и Сунной нет противоречий»². Это еще больше сузило полномочия Лиги, призванной поддерживать моральные устои

¹ Косач Г. Г. Саудовская лига общественной морали и государство. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2013. № 1(1). С. 302–312.

² Текст Закона о процессе наказания цит. по его публикации на сайте мекканского Университета Умм Ал-Кура // Низам ал-иджраат ал-джазайя (Закон о процессе наказания). [Электронный

саудовского социума. Другие положения закона требовали присутствия свидетелей при задержаниях, недопущения задержания без судебного решения, что тоже существенно ограничивало власть Лиги.

На сегодняшний день, в особенности на фоне реформ «Видения — 2030», Лига практически полностью утратила свои первоначальные функции и влияние: большая часть полномочий передана МВД (теперь Лига не имеет права задерживать подозреваемых, а сообщает о фактах нарушений МВД). Это связано не только с политикой по снижению влияния религиозных институтов, но и с имиджевыми вопросами. Лига неоднократно критиковалась международными правозащитными организациями. Особенно запоминающимся случаем стала трагедия, когда во время пожара в одной из саудовских школ в 2002 г. представители Лиги не позволили ученицам покинуть здание из-за несоответствия их внешнего вида исламским нормам, в результате погибло 15 человек¹.

Главной функцией Лиги стала легитимизация власти короля, «единственно верной и исламской»².

Высший совет кадиев (Корпорация судей) — верховный шариатский суд, созданный в 1969 г. Высший совет был учрежден с целью ограничить влияние Мухаммада Ибрагима Аль аш-Шейха, который являлся, по сути, главой всего саудовского религиозного истеблишмента (одновременно был муфтием, главой судебной системы и полиции нравов).

В корпорацию судей входят видные религиозные деятели, позиция которых по отдельным религиозно-юридическим вопросам не всегда соответствовала курсу правительства, хотя в целом судьи поддерживали общий курс короля.

Министерство юстиции — государственное учреждение, созданное в 1970 году, главной задачей которого является контроль над судебной системой и связанными с ней прокурорскими службами, выполняет их финансовые и административные требования. Другие обязанности включают в себя назначение судей и предоставление лицензий адвокатам, переводчикам и юридическим экспертам. Во главе министерства назначается шейх из числа высших улемов, в большинстве случаев из среды богословов Неджда и из семейства Аль аш-Шейх. Министерство было создано в целях недопущения чрезмерного усиления влияния консервативных улемов.

ресурсы] // URL: [http://uqu.edu.sa/files2/tiny_mce/plugins/filemanager/files/4170115/egraa t.pdf](http://uqu.edu.sa/files2/tiny_mce/plugins/filemanager/files/4170115/egraa%20t.pdf). С. 1–46. (дата обращения: 10.01.2024).

¹ [Электронный ресурс] // URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/1874471.stm (дата обращения: 10.01.2024).

² Косач Г. Г. Саудовская лига общественной морали и государство. С. 302–312.

Министерство юстиции наряду с другими религиозными институтами занимается контролем деятельности имамов мечетей и некоторых богословов, обвиняемых в симпатии к радикальным идеям или тех, чьи проповеди противоречили курсу власти. Для этого в 2010 г. Министерством юстиции были предприняты шаги к реализации «программы идейной безопасности» королевства¹.

Министерство исламских дел, вакфов и призыва — относительно недавно созданный институт (1993 г.), главной задачей которого является обеспечение контроля над вакфами, мечетями и религиозными деятелями, а также за публикацией и распространением исламской литературы. Министерство играет своего рода роль посредника, одновременно осуществляющего контакты с религиозными институтами и контролирующими их деятельность. Ведомство возглавляет семья Аль аш-Шейх.

Это министерство — организация, в сравнении с Советом высших улемов, более зависящая от властей: она сама является частью правительства. Целью создания этого института было ограничение власти духовенства, следствием чего стала передача вопросов, касающихся вакфов, под контроль министерства.

Ведомство выступает главным проводником религиозной политики наследного принца — «ислама срединного толка», все больше попадающего под контроль властей — «огосударственного» ислама. Тот в последнее время часто заявлял о необходимости борьбы с терроризмом, памятуя о том, что большая часть саудовского населения — молодежь².

Министерством, например, в 2019 г. было реализовано множество проектов в 35 странах мира. Они были направлены на продвижение таких ценностей, как умеренность и терпимость. Это в свою очередь новый имидж королевства, в том числе и в религиозном плане, который продвигается мягкой политикой.

Празднование Хэллоуина, что не особо приветствуется богословами, и проведение различных мероприятий также вписываются в тезис о построении нового имиджа страны. Богословский корпус абсолютно лоялен к начинаниям кронпринца, а те, кто высказывает критику, подвергаются репрессивным мерам. Поэтому по таким щепетильным вопросам как, например, проведение Хэллоуина богословы предпочитают молчать.

¹ Косач Г. Г. Саудовская Аравия: власть и религия. С. 100–125.

² Alhashani O. I. Saudi Youth Politics: Between Bombings and Theme Parks // *Washington Institute for Near East Policy* // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/saudi-youth-politics-between-bombings-and-theme-parks> (дата обращения: 10.01.2024).

Заключение

Сегодня в королевстве наблюдается секьюритизация государственной политики на исламском направлении, которая подразумевает введение строгих ограничительных мер к религии и религиозным институтам, а также поддержка лояльных институтов, продвигающих государственную политику¹. Анализируя реформы в Саудовской Аравии, Г. Г. Косач писал, что страна продолжает «движение по пути все большего контроля государства над сферой религии. Совет по политике и безопасности осуществлял наступление на полномочия корпуса мусульманских вероучителей, ограничивая деятельность «полиции нравов» — Лиги поощрения добра и отвращения от греха. Была введена обязательность представления на рассмотрение чиновников Министерства религиозных дел текстов пятничных проповедей имамов, усиливалось преследование сторонников ИГИЛ, внесенного в 2014 г. в «черный список» террористических организаций»².

Начиная с 2000-х гг. стала заметна тенденция ограничения королевской властью роли религии и связанного с ней корпуса богословов, а также недопущения критики улемами политики государства в какой-либо сфере. Несогласие с начинаниями властей резко пресекалось. «Последовательно лишая мусульманских богословов контроля над женским образованием, выводя из сферы их компетенции институты судебной власти, осуществляя кодификацию ханбалитского права, решительно пресекая протесты высших представителей корпуса законоучителей против расширения сферы современного образования, государство продолжало курс на модернизацию политической системы и огосударствление религии»³.

Н. Мулин писал⁴ о том, что автономию улемов следует оценивать не в абсолютном, а в относительном выражении, то есть с точки зрения реальных амбиций корпорации. Он относится к улемам как к функциональной элите, чьи амбиции по своей природе ограничены их конкретной сферой деятельности. Важная роль, которую улемы сыграли в создании современных религиозных институтов Королевства, свидетельствует об этой автономии, хотя и ограниченной властями. Конечно,

¹ Наумкин В. В., Зарипов И. А., Кузнецов В. А., Орлов В. В. Стратегии выстраивания отношений между государством и исламом в России и арабском мире // *Minbar. Islamic Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 13–49.

² Косач Г. Г. «Видение: 2030». Саудовские реформы // *Россия и мусульманский мир*, 2017. № 6(300). С. 114.

³ Косач Г. Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика // *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 103.

⁴ Мулин Н. Улама ал-ислам. Тарих ва бунйа ал-муассаса ад-динийа фи ас-Саудийа байн ал-карнейн XVIII ва XXI (Клирики ислама. История и структура религиозного истеблишмента Саудовской Аравии. XVIII–XXI вв.).

религиозные деятели могут способствовать поддержанию политического порядка, но только в качестве вспомогательного средства, поскольку достижение этой цели в итоге всегда зависит от применения или угрозы применения насилия, инструменты которого полностью сосредоточены в руках королевской семьи.

Предпринятые с начала 2000-х гг., а затем подкрепленные в «Видении — 2030» в 2016 г. реформы направлены не только на диверсификацию экономики. Важнейшие элементы этих экономических стратегий были связаны с социальными трансформациями, происходящими в саудовском обществе, что поставило серьезный вопрос о национальной консолидации.

Саудовская Аравия меняется очень быстрыми темпами. Изменились некогда консервативные подходы руководства страны. При этом, как и раньше, эти решения должны обязательно получить богословскую легитимацию. Страна пытается найти свой путь в будущее: обращается и к своим культурным историческим истокам, и к внешнему заимствованию.

Основание саудовской государственности было связано с лозунгами проведения реформ под началом ваххабитской доктрины, сегодня страна снова встала на путь реформ, однако на этот раз — это уже *ислах*, а не *таджид*¹.

Литература

Ахмедов В. М., Гашев Б. Н. и др. Современная Саудовская Аравия: справочник. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998. 282 с.

Васильев А. М. История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982. 612 с.

Васильев А. М. Пуритане ислама? М., 1967. 265 с.

Камали Х. М. Тажид, ислах и цивилизационное обновление в исламе / Международный институт исламской мысли. Острог, 2020. 59 с.

Косач Г. Г. Саудовская Аравия: власть, улемы и антисистемная оппозиция (Богословско-политический ответ противникам режима) // Россия и мусульманский мир. 2013. № 1(247). С. 127–158.

Косач Г. Г. Саудовская Аравия: внутривластные процессы «эстапы реформ», конец 1990-х — 2006 г. М.: Институт Ближнего Востока, 2007. 360 с.

Косач Г. Г. Саудовская лига общественной морали и государство // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1. С. 302–312.

¹ Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения: доклад на X Ближневосточной конференции Международного дискуссионного клуба «Валдай», Март 2021 г.

Косач Г. Г. «Видение: 2030». Саудовские реформы // *Россия и мусульманский мир*, 2017. № 6(300). С. 107–124.

Косач Г. Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика // *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 103.

Косач Г. Г. Саудовская Аравия: власть и религия // *Политическая наука*. 2013. № 2. С. 100–125.

Косач Г. Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия»? // *Религия и общество на Востоке*. Вып. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 7–50.

Мамадиев Б. Б. Особенности центров по изданию фетв в Саудовской Аравии // *Россия и мусульманский мир*. 2020. № 1 (315). С. 55–69.

Мулин Н. Улама ал-ислам. Тарих ва бунйа ал-муассаса ад-динийа фи ас-Саудийа байн ал-карнейн XVIII ва XXI (Клирики ислама. История и структура религиозного истеблишмента Саудовской Аравии. XVIII–XXI вв.). Бейрут: Ал-Муассаса ал-арабийа ли ал-абхас ва ан-нашр, 2011.

Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения: доклад на X Ближневосточной конференции Международного дискуссионного клуба «Валдай», Март 2021 г. М., 2021. 31 с.

Наумкин В. В., Зарипов И. А., Кузнецов В. А., Орлов В. В. Стратегии выстраивания отношений между государством и исламом в России и арабском мире. *Minbar. Islamic Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 13–49.

Сапронова М. А. Политические системы арабских стран: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 248 с.

Сейранян Б. Г. Ислам и духовенство в Саудовской Аравии // *Arabia vitalis: Арабский Восток, ислам, древняя Аравия*. М., 2005. 410 с.

Baskan, Birol, Wright, Steven. Seeds of Change: Comparing State-Religion Relations in Qatar and Saudi Arabia // *Arab Studies Quarterly*. 2011. Vol. 33. No. 2. Pp. 105–109.

Bligh, Alexander. 1985. The Saudi Religious Elite (Ulama) as Participant in the Political System of the Kingdom // *International Journal of Middle East Studies*. 1985. Vol. 17. No. 1. Pp. 37–50.

Lacey R. Inside the Kingdom: Kings, Clerics, Modernists, Terrorists and the Struggle for Saudi Arabia. New York, 2009. 425 p.

References

Baskan B., Wright S. (2011). Seeds of Change: Comparing State-Religion Relations in Qatar and Saudi Arabia. *Arab Studies Quarterly*. Vol. 33. Iss. 2. Pp. 105–109.

Bligh A. (1985). The Saudi Religious Elite (Ulama) as Participant in the Political System of the Kingdom. *International Journal of Middle East Studies* Vol. 17. Iss. 1, Pp. 37–50.

Kamali H. M. (2020). *Tadzhdid, islkh i tsivilizatsionnoje obnovenie v islame* [Tajdid, Islah and Civilisational Renewal in Islam]. Mezhdunarodniy Institut islamskoy mysli. 59 p.

Kosach G. G. (2013). Saudovskaya Araviya: vlast, ulemy i antisistemnaya oppozitsiya (Bogoslovsko-politicheskij otvet protivnikam rezhima). [Saudi Arabia: Power, 'Ulama and Anti-System Opposition (Theological and Political Response to Opponents of the Regime)]. *Rossiya i musul'manskij mir*. Iss. 1 (247). Pp. 127–158.

Kosach G. G. (2007). *Saudovskaya Araviya: vnutripoliticheskije protsessy "etapa reform", konets 1990–2006 g.* [Saudi Arabia: Internal Political Processes of the "Reform Stage", Late 1990s — 2006]. Moscow. Institut Blizhnego Vostoka. 360 p.

Kosach G. G. (2013). Saudovskaya Araviya: vlast i religiya. [Saudi Arabia: Power and Religion]. *Politicheskaya nauka*. Iss. 2. Pp. 100–125.

Kosach G. G. (2013). Saudovskaya liga obshchestvennoj morali i gosudarstvo [Saudi League of National Morality and the State]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2013. Iss. 1. Pp. 302–312.

Kosach G. G. (2017). "Videniye: 2030" Saudovskiye reformy. ["Vision: 2030" Saudi Reforms]. *Rossiya i musul'manskij mir*. Iss. 6 (300). Pp. 107–124.

Kosach G. G. (2021). Saudovskaya Araviya posle Arabskoy vesny: men'yayutshayasya vnutrennyaya politika. [Saudi Arabia after the Arab Spring: Changing Domestic Politics]. *Vostok (Oriens)*. No. 3. Pp. 97–109.

Lacey R (2009). *Inside the Kingdom: Kings, Clerics, Modernists, Terrorists and the Struggle for Saudi Arabia*. New York, 2009. 425 p.

Mamadiev. M. M. (2020). Osobennosti centrov po izdaniyu fetv v Saudovskoy Aravii. [Features of Fatwa Issuing Centers in Saudi Arabia]. *Rossiya i musul'manskij mir*. No. 1 (315). Pp. 55–69.

Mulin N. (2011). 'Ulama al-islam. Tarih wa bunya al-muassasa ad-diniya fi as-Saudiyya bayn al-qarneyn XVIII wa XXI [Islamic Scholars. History and Structure of Religious Association in the Saudi Arabia (18–21 Centuries)]. Beirut: Al-Muassasat al-'arabiya li al-abhas va al-nashr. 432 p.

Naumkin V. V., Kuznecov V. A. (2021). Blizhnij Vostok v poiskakh utrachennogo vrozozhdeniya. [The Middle East in Search of a Lost Renaissance]. *Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj»*. 30 p.

Naumkin V. V., Zaripov I. A., Kuznecov V. A., Orlov V. V. (2021). Strategii vystraivaniya otnoshenij mezhdru gosudarstvom i islamom v Rossii i arabskom mire. [Strategies for Building Relations Between the State and Islam in Russia and the Arab World]. *Minbar. Islamic Studies*. Vol. 14. Iss. 1. Pp. 13–49.

Sapronova M. A. (2015). *Politicheskie sistemy arabskih stran*. [The Political Systems of the Arab Countries]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta. 248 p.

Sejranyan B. G. (2005). Islam i duhovenstvo v Saudovskoj Aravii. [Islam and the Clergy in Saudi Arabia]. *Arabia vitalis: Arabskij Vostok, islam, drevnyaya Araviya*. Moscow. Pp. 258–273.

Vasilyev A. M. (1967). *Puritane Islama?* [The Puritans of Islam?]. Moscow: 265 p.

Vasilyev A. M. (1982). *Istoriya Saudovskoy Aravii*. [History of Saudi Arabia]. Moscow: Nauka. 612 p.

RELIGIOUS INSTITUTIONS IN SAUDI ARABIA: HISTORY, EVOLUTION AND DEVELOPMENT FEATURES

Abstract. This work is devoted to religion and religious institutions in the Kingdom of Saudi Arabia. Saudi Arabia, being a Muslim state according to the law, turns to religion in order to legitimize its policy. Therefore, due to the increasing role of Saudi Arabia in the region and the world, the study of religion and its place in the state is considered very relevant and important. The first introductory part of the article examines the role of Islam in the history of the formation of Saudi statehood, outlines the main provisions of the doctrine of Wahhabism. The main part of the work examines the history, evolution and features, the role and positions of various religious institutions in the country. In conclusion, it is concluded that the authorities of the kingdom are undertaking an increasing securitization of state policy in relation to religious institutions, religion is being «nationalized». The analysis of the role of religious change in the kingdom is based on the approach of dividing reforms into *tajdid* and *islah*.

Keywords: Saudi Arabia, Islam, Wahhabism, religious institutions, reforms.

Mehrubon D. ASHUROV,

Master's student of the program "Expert-Analytical Oriental Studies. The Arab World in World Politics", jointly implemented by the State Academic University of Humanities and the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (26, Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russian Federation).
E-mail: mehribon.ashurov.0304@mail.ru

